

2

НОЯБРЬ

2002

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА
(САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)
И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

использованы материалы
сайтов www.sfi.ru
www.stphilaret.ru

РОССИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ «КРЕЩЕНА, НО НЕ ПРОСВЕЩЕНА»

Под Москвой прошел третий миссионерский съезд

В Москве, вернее, в пансионате «Поляны» на Рублевке, в дорогом, фешенебельном месте, прошел третий съезд епархиальных миссионеров Русской православной церкви. В течение трех дней священники, приехавшие из самых разных мест – от Германии до Японии, от Карпат до Сахалина – могли обсудить вопросы миссии, поделиться своим опытом, узнать о том, что происходит в других епархиях, а самое главное – что собираются делать здесь, в центре, в Белгороде и Москве, как будет в ближайшее время ставиться в церкви вопрос о миссии.

В съезде участвовали 267 делегатов, представляющих 101 епархию. Разговор показал широкий спектр отношения к миссии и ее реального состояния в различных епархиях Русской православной церкви. Даже сейчас, через двенадцать лет после отмены антицерковных законов, в некоторых епархиях, по официальному заявлению правящих архиереев, «миссионерской деятельности нет», в других, находящихся в таком же положении, существуют лишь официально назначенные епархиальные миссионеры, пока еще не знающие, ни чем заниматься, ни как это делать. Есть регионы,

где ведется та или иная работа в виде личных инициатив, есть опыт организации мирянских структур для осуществления решений о миссионерской работе, принятых на уровне епархии. Наконец, в Японской Автономной церкви ведется активная, продуманная миссионерская деятельность – обязательно годичное оглашение перед крещением, проводятся постоянные миссионерские и просветительские встречи.

По-прежнему большую роль в миссионерской работе пытается играть контрмиссионерское лобби, контролировавшее работу некоторых секций и активно выступавшее против включения в итоговый документ каких-либо упоминаний о возможности сотрудничества с инославными в сфере миссии и благотворительности. Вместе с тем жесткие контрмиссионерские заявления встречали со стороны некоторых участников съезда активный отпор, и представление о миссии как о непрестанной борьбе со всеми неправославными не нашло широкой поддержки, особенно у тех, кто занимается конкретной работой на местах.

Конгресс, начавшийся с дежурных официальных приветствий и содержательных,

но недостаточно конкретных докладов, с началом работы небольших по численному составу секций стал принимать все более живой и непосредственный характер обмена живым опытом. Рефреном с первого дня съезда в залах заседаний звучали слова Лескова: «Русь была крещена, но не просвещена». Вновь и вновь говорилось о том, что подавляющее большинство народа – люди, лишь формально причисляющие себя к православной церкви, что все они нуждаются в обращении и наущении. Принятый в субботу, второго ноября, итоговый документ съезда и отправленный для окончательной редакции в рабочую группу текст миссионерской декларации представляют собой очень серьезное «заявление о намерениях», ставящее миссионерскую деятельность в центр современной церковной жизни. И не случайно: оба эти документа производят впечатление революционное. При всех реверансах в сторону контрмиссионеров, они остро ставят насущнейшие вопросы: об обязательности оглашения перед крещением, о необходимости вспомнить о христоцентричности церковной жизни, о

«миссии после миссии» и «литургии после литургии».

Пока что суть этих тезисов поняли далеко не все. Те, кто давно думал о необходимости обязательной подготовки к крещению, кто сам занимался общинным строительством, услышали и с восторгом приняли эти слова итогового документа. Но их не могли так быстро услышать и узнать многие из тех, кто просто числится штатным миссионером, кто собрался в эти дни в Москву пока лишь только присмотреться, кто не думал мучительно о темноте считающего себя православным народа, не пытался собрать разбродившихся прихожан в живую, служащую общину.

Что будет дальше? Посмотрим. Съезд не принял конкретной программы, да если бы и принял, не было бы никаких гарантий ее исполнения. В духовной жизни и не может быть гарантий. Но может быть надежда. И все, что случилось в эти дни под Москвой, делает более основательной надежду на то, что не остановить уже перемены, начавшиеся в церкви, что главное будет все-таки не только сказано, но и сделано.

А. ПОКРОВСКАЯ

ЗАПОЗДАЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «НОРД-ОСТЕ»

Вот уже который год осень – это время трагических, вызывающих оторопь, событий. Снова по всем храмам служатся панихиды по невинно погибшим. Люди, встречаясь на улицах, спрашивают друг друга: «Так все-таки – сколько?» «Уже больше сотни...» А в душе один только вопрос: «За что, Господи?» И хуже нет, когда кто-то берется на него отвечать от имени церкви, всего лишь хваля или осуждая спецслужбы, вынося приговор всем мюзиклам на свете, или просто говоря «жалостное и благочестивое ничто».

Бывают в истории времена, очень близко подходящие к отпущенному нам последнему пределу Божьего терпения. Нет, люди не ошибаются, когда пытаются назвать дату ожидаемого вот-вот конца света; мы и правда иногда оказываемся рядом с ней – а потом отдаляемся снова, и чудом отпущенное нам время продолжает течение истории. И вот в эти-то страшные, время от времени подступающие к нам «последние времена» все, о чем было сказано в Евангелии, начинает сбываться: землетрясения и войны, наводнения и горящие леса, голод и разврат. И пугаясь этих явно сбывающихся пророчеств, вновь и вновь спрашивая – «За что?» люди забывают о главном признаке конца: «Во многих охладает любовь».

Когда мы спрашиваем себя и друг друга – кто виноват в том, что случилось? Как

избежать новых трагедий, как уберечься? – мы забываем о самом важном, мы забываем, на чем стоит мир, какой силой он был сотворен, и какая власть одна способна удержать его от разложения и распада. Мы забыли это слово, оно, как и многие другие главные слова, потеряло свой смысл, перестало быть даже банальностью и сентиментальным штампом. В контексте современной культуры оно кривляется и строит постмодернистские гримасы. Попробуйте всерьез сказать кому-нибудь: «Знаете, что я искал и нашел в церкви? Любовь и свободу». В лучшем случае ответом на эти слова будет неловкое молчание...

В первых главах Библии есть замечательный рассказ об одном из апокалиптических бедствий прошлого, оставшемся на все последующие времена предупреждением человечеству – гибели

Содома и Гоморры. Бог, явившийся Аврааму в виде трех путников (именно этот сюжет и поныне, со времен Рублева, остается единственной основой иконографии Троицы), предсказывает страшную гибель грешных городов. И Авраам начинает... торговаться с Богом, победив за Ним след. «А если в этом городе есть пятьдесят праведников, пощадишь его?» – «Пощажу» «А если десять?»... Увы, праведник оказался только один.

Что можем мы сделать, сталкиваясь с бессмысленными страданиями, с как будто засасывающим нас в страшную воронку обвалом бед и катастроф? Мы можем не искать виновных, не погружаться в уныние и отчаяние, не замыкаться в панцире собственных проблем, а начать изменять свою жизнь. Никто не становится праведником в одно мгновение, но можно начать этот путь, можно стараться с него не сворачивать, можно знать и помнить – именно так начинается дорога к тому, чтобы Бог, являющий Свою силу в нашей немощи, и нас поставил служить одним из узлов держащей мир основы. Потому что только на этом пути, если искать и просить этого, можно найти любовь – не умильные фантазии, не елеиную вежливость, не взрыв эмоций, а ту силу, которая одна только способна противостоять и нашей собственной смерти, и гибели окружающего нас мира.

И. ПЕТРОВ

В этом номере, где по традиции нашего издания вас будут сопровождать московский и петербургский ведущие (их заметки можно будет узнать по значкам святых покровителей этих городов) все материалы объединены одной главной темой – проблемами православной миссии.

Как и в предыдущем номере, мы стремимся оставаться в пространстве диалога. Материалы миссионерского съезда перемежаются интервью с его участниками, тема православия на Западе представлена не обзорными статьями (которые вряд ли могли бы представить полную картину этого очень разнообразного явления), а рядом проблемных бесед.

Мы постарались выстроить и некоторый диалог с номером предыдущим: отклики участников конференции «Духовные движения в народе Божьем. История и современность» продолжают публиковаться на страницах «Кифы».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИТОВОГО ДОКУМЕНТА III СЪЕЗДА ЕПАРХИАЛЬНЫХ МИССИОНЕРОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:

«По итогам работы третьей секции съезд принял рекомендации:

Возродить практику оглашения взрослых людей перед их Крещением. Отказ от немедленного совершения таинства Крещения, по причине неготовности человека, должен производиться в максимально тактичной и дружелюбной форме. Целесообразно привлекать к оглашению активных членов общины.

Центром жизни христианина является Евхаристия как главное таинство Церкви, создающее тело Христово и являющееся способом Богообщения. Прихожане должны ясно сознавать, что центром, вокруг которого и ради которого они собираются воедино, является не священник, не та или иная храмовая святыня, не та или иная — пусть даже самая возвышенная — идея, но Сам Господь и Его Жертва. Восстановление христоцентричности церковного сознания невозможно без осознания всеми прихожанами того, что христианство есть пребывание в Теле Христовом, для чего необходимо возможно более частое приобщение к Святым Дарам.

Поощрять общение людей за пределами Богослужения — в частности, через проведение собраний и совместных трапез прихожан после совершения литургии с целью общения и обсуждения приходских вопросов. Это ослабило бы накал внутрицерковных дискуссий по проблемам внутриприходской и общецерковной жизни.

Точно обозначить меру миссионерской терпимости в церковных дискуссиях, в ходе которых вырабатываются отношения Церкви к тем реалиям культурного и общественного бытия, которые не зависят от нашей воли, но извне вторгаются в церковную жизнь.

Особенно важно правильно провести границы между тем, что Церковь должна осудить, тем, что она может потерпеть, а также тем, что она может обратить к своей пользе. Особое внимание стоит обратить на необходимость создания атмосферы терпимости в самой Церкви по отношению к миссионерским поискам».

В нашем Свято-Петровском братстве состоялось знаменательное событие — на 40-й день после рождения благочестивые родители принесли в храм младенца Анастасию... Когда участники события собрались за чаем в ближайшем кафе, состоялся примечательный диалог между одним из братьев и юной миловидной буфетчицей:

«Вы крестили ребенка?»
- «Нет, над ней читали молитвы 40-го дня по Требнику и теперь она оглашается — некрещеная христианка» — «Православная?»
- «Да, конечно» — «А я слышала, что если дети умирают некрещеными, то они попадают сразу в ад» — «Среди наших святых есть оглашаемые»
- «Я никогда об этом не слышала».

Хорошая девушка, мне очень понравилась.

ИНТЕРВЬЮ С ОРГАНИЗАТОРАМИ И УЧАСТНИКАМИ III СЪЕЗДА ЕПАРХИАЛЬНЫХ МИССИОНЕРОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Архип. Белгородский и Староскольский ИОАНН, председатель Миссионерского отдела МП: — Оправдал ли прошедший съезд Ваши ожидания?

— Главная задача съезда была сформулирована как «миссия после миссии», то есть привлечение к миссионерскому служению как можно большего количества мирян, и активнее всего обсуждались именно эти вопросы. Этот съезд отличается от многих других съездов и конференций тем, что он нацелен прежде всего на просветительскую деятельность и на создание благоприятного климата миссионерского служения для того, чтобы дискуссии в церкви были плодотворны и имели бы «миссионерскую привлекательность», что очень важно. Съезд показал, что общая тональность обсуждения была избрана правильно.

— Видите ли Вы перспективы использования в жизни всей церкви каких-то конкретных, как обсуждавшихся здесь, так, может быть, и не обсуждавшихся конкретных наработок в сфере миссии?

— Жизнь покажет, какие формы миссии приживутся, какие будут востребованы, какие нет, но в целом тот обмен опытом, который состоялся, был оценен всеми участниками съезда очень высоко, и я думаю, что с Божьей помощью все будет благоприятно.

Прот. Леонид ЦЫПИН, настоятель храма прав. Анны, прпмц. Елисаветы и Варвары, Вупперталь, Германия

— Как Вы оцениваете результаты работы съезда?

— Тот документ, который был сделан по итогам заседаний всех секций, является очень важным для жизни церкви. Прежде всего, это документ, в котором впервые от имени церкви, причем в двух местах, от имени двух секций, говорится о том, что необходимо предварительное оглашение, что надо восстановить в церкви институт оглашения. Что надо обязательно готовить людей к

крещению, что надо отказывать им, конечно, отказывать мягко, пастырски верно, так, чтобы их не обидеть, но тем не менее настаивать на том, чтобы их оглашать перед крещением. Говорилось о том, что надо работать с восприимчивыми, чтобы они тоже не были «мертвыми душами», о том, что восприимчивы должны знать, в чем они берут ответственность перед Богом, перед церковью, перед людьми.

Второй момент — впервые было сказано, что нашей целью является не просто пропаганда знаний, не просто научение, а воцерковление человека, причем раскрывается, что это такое. Воцерковленный человек должен быть активным, живущим активной духовной жизнью — не просто посещающим храм, не просто христианином, участвующим в каких-то работах, а именно в духовной жизни — обратите внимание! Провозглашается, что вершиной церковной жизни является евхаристическая община, что необходимо частое причащение, не пять раз в год, а, как сказано здесь, «как можно более частое». Говорится в этом документе о том, что необходимо создать общинную жизнь, о том, что необходимы как можно более теплые, душевно теплые и духовно благоприятные, отношения в церкви как в большой семье. Ведь сейчас многие рассматривают церковь просто как место, куда можно прийти и анонимно помолиться, не имея при этом никакого отношения ко всем окружающим. Здесь говорится о том, что необходима общая трапеза, как «форум» общины, на котором могут быть обсуждены и общинные, и общецерковные вопросы. Видите, какие серьезные проблемы были подняты! Говорили и о многом другом, о молодежной работе, что лично для меня прозвучало совсем новым, о том, чтобы привлекать все формы воздействия на человека. Вот мы сейчас слушали ансамбль православный — можно назвать его рок-ансамблем — лично я этого не приемлю, но не исключено, что это может кого-то привести в церковь. Сегодня прозвучало и много других совершенно революционных мыслей — о том, что не надо стремиться к архаике, например. Сейчас существует культ восстановления прошлого, восстановления старой церкви. И здесь говорится, что мы не должны восстанавливать ту церковь, которая была до революции, не надо стремиться к архаичности, а надо смотреть вперед. Впервые было сформулировано, что фактически миссионерским полем деятельности церкви является внутреннее миссионерское поле. Это тоже было очень четко написано — что фактически подавляющая часть народа, считающая себя православными, таковыми не является. И это есть наше поле. В каждом разделе я видел много таких революционных поворотных моментов.

Дьякон Андрей КУРАЕВ

— Что Вы можете сказать о результатах работы съезда?

— Для меня это первый съезд, в котором я принимаю серьезное личное участие. Я думаю, что такого типа съезды — миссионерские, молодежные, образовательные чтения — их значение не в том, чтобы принять документы, которые потом кто-то примет к действию. Не надо быть наивными, никто на самом деле не будет руководствоваться теми декларациями, которые мы здесь примем. Дело не в них, а в принципе «вода камень точит». Пусть до времени они останутся на бумаге, но есть робкая надежда, что со временем, доклад за докладом, постановление за постановлением, послание за посланием, переменят саму атмосферу в церкви, так что миссия станет восприниматься как главное служение церкви, а не как некая побочная роскошь, которую можно себе позволить после того, как все купола позолочены.

— Как Вы думаете, тот «крик души», который прозвучал в итоговом документе — что, может быть, церковь будет более терпима к миссионерским поискам — он будет услышан?

— Я надеюсь. На что я рассчитываю? В будущем, если наше собрание примет этот документ с этой фразой, и этот текст ляжет на стол Священному синоду и патриарху, станет известен определенному кругу церковных чиновников-аппаратчиков, то, может быть, дальше, когда через несколько месяцев кому-то из этих аппаратчиков будет дано задание составить интервью, выступление, доклад кому-то из первенствующих лиц нашей церкви на сюжет о миссии (а логика любого аппаратчика очень простая — делать как можно меньше, желательно откуда-нибудь переписать), и, я надеюсь, в качестве шпаргалки он возьмет этот документ и, в частности, этот абзац. И он прозвучит уже с более высокой трибуны. То есть мы-то можем не то что возвышать голос, а не более, чем робко шептать где-то в углу, у нас его съезда нет полномочий даже рекомендательных, не то что никаких административных, а вот затем лица, облеченные высшей церковной властью, если эти идеи будут близки им и людям,

которые помогают в оформлении их мыслей, то это может прозвучать с очень серьезной трибуны, и тогда уже у нас будет возможность ссылаться на это. Что такое миссионерский съезд, кто такие миссионеры? Юродивые, каждый в своей епархии. А вот когда уже с высшей церковной трибуны это прозвучит — это уже очень серьезно. Мне, скажем, очень в свое время облегчило жизнь то, что в патриарших речах несколько раз прозвучала мысль о том, что церковь должна уметь говорить на нескольких языках, что должен быть свой язык для разговора с детьми, свой язык для разговора с молодежью. Это очень важно, потому что у нас в течение многих и многих столетий церковная жизнь равнялась жизни литургической, и отсюда у людей возникло совершенно понятное ощущение, что литургический язык церкви — это единственный допустимый церковный язык. У нас не принято задумываться над тем, сколько людей отогнали от православия правильные проповеди правильных батюшек.

— Вчера на секции «Миссия вчера, сегодня, завтра» много говорилось о том, что, к сожалению, миссионерская декларация представляет собой скорее констатацию проблем, но хотя и выстраивает какие-то перспективы, не содержит в себе конкретной программы миссионерской работы. Как Вам кажется, возможно ли в ближайшее время создание такой программы — не в качестве личного обмена опытом, а на общецерковном уровне — на основе каких-нибудь конкретных наработок?

— Я, пожалуй, воздержусь делиться своими мыслями на эту тему — что было бы возможно. Я считаю, что можно было бы иначе, но это требует каких-то кардинальных перемен.

С участниками съезда беседовала А. КОЛЫМАГИНА

СОСТОЯЛОСЬ ПЕРВОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО БРАТСТВА «СРЕТЕНИЕ»

В течение двух недель, с 6 по 21 октября, братство «Сретение» со своим духовным попечителем, свящ. Георгием Кочетковым, совершило паломническую поездку по Германии, Голландии и Бельгии.

Тема диалога — диалога культур и конфессий, диалога между людьми разных языковых, национальных, образовательных традиций, диалога между членами одной церкви и даже одного братства — стала лейтмотивом этого паломничества, звучавшим иногда очень остро и даже болезненно. О нем заставляли задуматься все происходившие на этом пути встречи: встречи с православными приходами и католическими общинами, принимавшими братство у себя, встречи с сокровищами западной культуры и, наконец, встречи друг с другом во время братских разговоров.

Одной из первых встреч на пути паломников стал разговор со свящ. Сергием Овсянниковым и прихожанами Никольского храма Амстердама. О. Сергей подробно рассказал о жизни многонационального прихода, держащегося в русле традиции, связанной с именем митр. Антония (Блума), о том, что некоторые из прихожан — президент всемирного братства православной молодежи СИНДЕСМОС Хилдо Бос и секретарь Православного братства ОРФ Джим Форест — являются известными деятелями мирового православия. После рассказа Хилдо Боса об истории и деятельности СИНДЕСМОСа паломники рассказали о деятельности своего

благотворительная деятельность членов этого движения основана на глубоком стремлении жить по Евангелию, на ежедневной совместной молитве. Во время общего разговора и дружеских бесед в небольших группах заинтересованно и с самых разных сторон обсуждались проблемы христианского свидетельства в современном мире.

Одним из центров паломничества стало трехдневное пребывание братства в Генте и знакомство с прот. Игнатием Пекштадтом, свящ. Домиником Вербекком и их многочисленными гостеприимными прихожанами. Во время бесед гости с интересом узнали, что о. Игнатий, один из известнейших адвокатов Бельгии, пришел в православную церковь в середине своего жизненного пути, что около тридцати лет назад он собрал круг единомышленников, сначала только интересовавшихся православной традицией и приглашавших к себе на беседы видных богословов, а впоследствии составивших костяк гентского Свято-Андреевского прихода. Общая литургия, служившаяся на нескольких языках, включая греческий и румынский, последовавшая за ней братская трапеза, повседневное общение с прихожанами — бельгийцами и русскими эмигрантами — очень сблизили гостей и хозяев.

Выехав из Гента рано утром в день Покрова Пресвятой Богородицы, паломники успели к началу литургии в Никольском храме Брюсселя. После службы прот. Павел Недосекин рассказал о жизни прихода, состоящего почти исключительно из представителей разных волн русской эмиграции. Выразенное им в частном разговоре мнение о малой перспективности православия на Западе в следующих поколениях, которые утратят русский язык и культурную традицию, подтвердило впечатление паломников: везде, где не учитываются интересы молодежи, где преобладает «синодальный» образ богослужения и благочестия, количественный рост православных приходов за счет мощного притока эмигрантов не приводит к укоренению и дальнейшему развитию православной традиции.

Последовавшее за посещением Брюсселя пребывание в Шеветони оказалось связанным для паломников с тяжелым испытанием: в первый же день, после краткого разговора и обзорной экскурсии по монастырю духовный попечитель братства слег в постель с высокой температурой и не вставал вплоть до самого отъезда. И хотя братчики провели время плодотворно, подробно ознакомившись с практикой богослужений как по западному, так и по восточному обряду, установившейся в этом монастыре, обсудив историю и современную практику Шеветони с настоятелем, насельниками и друг с другом,

узнав из бесед со старейшими членами этой общины неизвестные ранее подробности о жизни иерархов РПЦ, в частности, митр. Никодима (Ротова), тем не менее все вздохнули с облегчением, когда оказалось, что дальнейший путь можно продолжить вместе. Простившись с радушными бенедиктинцами, искренне стремящимися к более глубокому пониманию и взаимной открытости культурных традиций православного Востока и католического Запада, паломники отправились домой через Германию и Польшу.

Очень радостным впечатлением этого пути стало краткое, всего на несколько часов, пребывание в храме прав. Анны, прпмцц. Елисаветы и Варвары в Вуппертале, знакомство с настоятелем храма прот. Леонидом Цыпиным и его прихожанами. Во время разговора за трапезой обнаружилось множество неожиданных точек соприкосновения, вплоть до мелочей. О. Леонид и паломники спели друг другу на разные распевы и в разных переводах любимый восьмой псалом, обменялись своими изданиями и координатами. Прощаясь, руководители детских лагерей и председатели малых братств приглашали вуппертальцев приезжать в следующем году в гости в Россию.

Шедший параллельно первому другой ряд встреч — с картинными галереями Берлина, Амстердама, Антверпена, Кельна, с музеями Франса Хальса, Мемлинга, Ван Гога, с соборами, со знаменитым гентским алтарем — стал не просто «богатой культурной программой», но подлинным духовным событием в жизни братства. Открытием для многих стала сама возможность оказаться перед лицом этих сокровищ культуры вместе, по-новому увидеть не только то, что было знакомо раньше лишь по репродукциям, но и друг друга. Духовный попечитель братства, о. Георгий, в котором многие не имели раньше случая увидеть тонкого знатока истории культуры, очень точно ставил духовные и смысловые акценты в каждом из происходивших по ходу посещения музеев

Встреча Сретенского братства с о. Леонидом Цыпиным

разговоров, и то, что могло бы стать блестящей экскурсией, оказывалось чем-то гораздо более важным — совместным проживанием опыта общения через годы и века, вхождения в судьбу и трагедию, в опыт гениальности тех, чьи полотна открывались с удивительной и неожиданной стороны.

Итогом паломничества для братчиков стало личное знакомство с православием на Западе, с его особенностями, с его достижениями и проблемами, одной из которых является проблема воцерковления третьей волны русской эмиграции. Не менее важным оказалось гораздо более глубокое, чем раньше, понимание проблем разделения между разными людьми и разными конфессиями, ощущение насущной необходимости и в то же время сложности и болезненности диалога между Востоком и Западом, православием и католичеством.

В последний день паломничества, прошедший в долгом переезде через Польшу, братчики обменялись впечатлениями. Чаще всего в них повторялось одно слово — «благодарность». Благодарность ко всем, кто встретился на этом коротком, но таком наполненном пути; благодарность друг другу за радость прожить эти дни вместе; благодарность Богу за то, что Он сделал это паломничество возможным и превратил его в серьезный шаг на совместном духовном пути.

СВЯЩ. ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ
С ГРУППОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
И СТУДЕНТОВ СОВЕРШИЛ
ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГРЕЦИЮ

В течение двух недель паломники посетили Афон, побывали в Афинах и Фессалониках. Пребывание в каждом из этих мест было отмечено рядом важных интересных встреч.

В Афинах дружелюбно и плодотворно прошли встречи с президентом Афинской академии наук митрополитом Пергамским Иоанном Зизиуласом и с известным греческим философом — богословом Христасом Яннарасом. Паломники посетили штаб-квартиру Всемирного братства православной молодежи СИНДЕСМОС, где были радушно приняты генеральным секретарем Ребеккой Хуквей и ее сотрудниками. Знакомство с жизнью православных братств продолжилось встречей с г. Василиадисом, председателем братства «Сотир» («Спаситель»).

В пригороде Афин Пирее паломники были приняты секретарем Пирейской митрополии. Там же состоялась встреча с региональным секретарем Южноевропейского отделения СИНДЕСМОСа Спиромом Симурисом, на которой затрагивались актуальные вопросы и проблемы современной жизни Православной церкви.

Во время пребывания в Афинах паломники познакомились с детской, молодежной и благотворительной деятельностью приходов, а также с историческими, художественными и культурными памятниками города — античными музеями и древними византийскими храмами. О. Георгий дал интервью радио Пирейской митрополии.

В день памяти преп. Силуана Афонского (день тринадцатилетия пресвитерской хиротонии о. Георгия) паломники участвовали во всенощном бдении и ночной литургии в храме свт. Николая недалеко от Акрополя. Литургия закончилась около часа ночи. За ней последовала общая трапеза с братским общением.

В день посещения Афона паломники причащались на литургии и участвовали в общебратской трапезе Свято-Пантелеймонова монастыря.

В Фессалониках паломников принимали Неапольская и Ставропульская митрополии. Здесь паломничество продолжилось знакомством с приходской и монастырской жизнью, детско-юношеской и социальной работой, а также с жизнью богословского факультета Фессалоникского университета, где состоялась встреча с известным греческим богословом проф. прот. Феодором Зифисом. Во время совершения евхаристии в храме, где служат по-церковнославянски и по старому стилю, путникам из России отчаянно было узнать, что митрополия открыла этот храм специально для многочисленных эмигрантов — греков-репатриантов из бывшего СССР, живущих в этом районе. Всего в Фессалониках их насчитывается около ста тысяч, а в Греции — полмиллиона.

В последний день паломничества, в воскресенье, свящ. Георгий Кочетков предстал на литургии в Благовещенском храме в одном из новых районов Фессалоник. Это богослужение, за которым на клиросе члены паломнической группы пели попеременно с местным хором по-церковнославянски и по-гречески, транслировалось по телевидению на всю Грецию. В течение всего паломничества его участники были преисполнены радости и благодарности к тем людям, которые оказали им щедрое гостеприимство, показали любовь и плоды жизни по вере.

(Продолжение темы — в путевых заметках одного из участников паломничества — в колонке комментариев на стр. 4-5)

О. Георгий Кочетков и о. Сергей Овсянников

братства, о жизни связанного с ним Содружества, о его миссионерском служении. Встреча прошла очень тепло, и, обмениваясь при расставании своими изданиями, члены амстердамского прихода и члены Сретенского братства искренне сожалели, что, по не зависящим от них обстоятельствам, ее приходится заканчивать так скоро.

Во время следующей встречи — с католической общиной св. Эгидия в Антверпене — большое впечатление на паломников произвело то, что активная

БУДЕМ СОЛЮЮ

Интервью с и.о. президента всемирного братства православной молодежи СИНДЕСМОС Хилдо Босом.

Синдесмос - международная федерация Православных молодежных движений, организаций и богословских учебных заведений, которая «служит Церкви. Ее единству, свидетельству, миссии и возрождению за жизнь мира».

Цель Синдесмоса, выраженная еще в его первой Конституции 1954 года - «установление духовной связи и широкого сотрудничества среди движений и групп православной молодежи, пробуждение сознания единства Православия, создание путей взаимопомощи и оказания помощи православной молодежи на путях общения с инославными».

Первые годы деятельности этого единственного в своем роде всемирного православного братства связаны с именами известных богословов и церковных деятелей - прот. Иоанна Мейендорфа, прот. Александра Шмемана, Павла Евдокимова, Никоса Ниссиотиса. Греческое слово «Синдесмос», ставшее его названием, было позаимствовано из послания св. ап. Павла, который призывает ефесских христиан «стараться сохранять единство духа в союзе (греч. «синдесмос») мира» (Еф. 4:3).

ПРАВО. СЛАВНАЯ ЭЛЛАДА!

Греческое православие сильно отличается от православия в западных, традиционно католических или протестантских странах. Это почти разные планеты. И для нас оно оказалось не очень привычным, мы в таких странах, как Греция, не были раньше никогда. Конечно, было и много привычного, недостатки все были знакомые.

Народ, несмотря на то, что в конституции страны записано почитание Святой Троицы, достаточно индифферентен в церковном отношении, и мало кто ходит в храм регулярно: в Афинах - всего 5 %, в Фессалониках побольше, но тоже не слишком - 14. Хотя вообще в храмы ходят почти все, причем одеваются, как на праздник. В Европе это был бы, пожалуй, уровень дипломатического приема. Но причащаются, в основном, дети.

Сейчас у греков некоторое оживление в области богослужения - появились ночные литургии. Как на Пасху, но только короче. Их служат достаточно часто, раз или два в месяц. Сначала, в 9 часов вечера, служат вечерню, потом утреню, потом литургию, которая заканчивается около 1 часа ночи. Здесь причащаются многие, почти все (исповедь от причастия отделена). После литургии не расходятся, достают свою еду и с удовольствием общаются во дворе храма. Делятся соком, вином, котлетами - кто что принес, курят (с этим у них проблем нет. Курение считается не очень хорошим лишь постольку, поскольку вредно для здоровья. Минздрав предупредил...). Мы были на такой ночной литургии в хорошем живом приходе с замечательным настоятелем - монахом, аскетичным без стилизации и угрюмости.

И очень открытым - к своим прихожанам, к другим священникам (которые ходят к нему из других приходов), к нам - известным ему гостям. Двоих наших священников он тут же пригласил в алтарь и предложил сослужить ему на литургии. Во всех приходах, которые мы посещали, нас принимали очень неформально, тепло и «вкусно». Показывали все, что есть в храме - от алтаря до пинг-понговых столов и настольного футбола в детских комнатах.

(продолжение статьи в колонке
комментария на стр. 5)

- В связи с тем, что в СИНДЕСМОСе численно увеличилось участие представителей восточноевропейских церквей, ощущаете ли Вы обычную для посткоммунистического пространства проблему некоторого «запаздывания» духовного роста и углубления церковности по отношению к внешним, количественным показателям, связанную с тем, что после отмены антицерковных законов в церковь пришло множество всерьез не воцерковившихся людей?

- После перестройки у нас, действительно, резко возросло количество членов из Восточной Европы. Главной трудностью в связи с этим был процесс привыкания, потому что представители этих молодежных организаций не всегда знали то, что было создано СИНДЕСМОСом за время холодной войны. Кроме того, стремительный рост количества членов-организаций сам по себе создает трудности управления и сотрудничества. Мы не могли посвятить контактам с новыми членскими организациями достаточного внимания. И еще: мы, наверное, слишком охотно принимали молодежные группы в начале 90-х годов, когда быстро образовывались и так же быстро распадались всякие группы. В результате наш членский состав не обязательно отражает реальную картину организаций, занимающихся пастырской работой с молодежью. На более практическом уровне мы отмечаем трудности многих церквей, не только в Восточной Европе, в реализации молодежной политики, которая действительно доходила бы до молодежи. Если посмотреть, сколько реально проходит на каком-то серьезном уровне детских лагерей, студенческих съездов, кружков, то это, я думаю, вызывает некоторое беспокойство.

- В чем Вы видите причины уникальности СИНДЕСМОСа? Почему за последние пятьдесят лет не возникло другого такого крупного межправославного объединения?

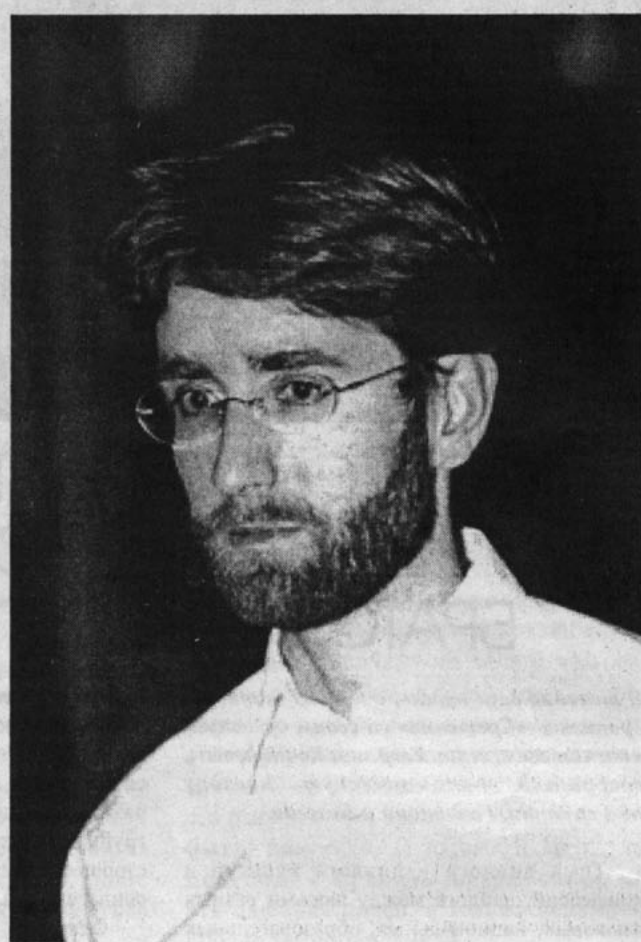
- Во-первых, Вы не совсем правы. Во всяком случае, на уровне двухсторонних обменов сейчас происходит очень много интересного, причем часто эти связи устанавливаются через СИНДЕСМОС. Что касается всеправославных связей, то такими вопросами всегда занимается ограниченное количество людей. Большинство верующих живут своей полноценной церковной жизнью

на местах. Сознание вселенского единства всей Православной церкви может переживаться и переживается в жизни любого местного прихода. Если бы вы знали, с какой любовью, например, в Греции относятся к русским святым! Не всем нужно объезжать все православные церкви. Для этого есть и финансовые ограничения, это тоже фактор.

То, что СИНДЕСМОСу удастся вот уже 50 лет продолжать свою роль связующего начала между Православными Церквями связано с тем, что молодежные движения в церковной жизни реального веса не имеют. К счастью или к несчастью, молодежь не является приоритетом, по крайней мере, если можно так сказать, в политическом плане. И там, где официальные встречи между нашими поместными церквями очень быстро натываются на какие-то камни преткновения - эстонский вопрос, румынский вопрос, СИНДЕСМОС, если только он сам не лезет в политику, может оставаться тем местом, где люди переживают единство православия на духовном уровне. От нас, руководства, это требует полного воздержания от политики и сильного акцента на духовной жизни. Слава Богу, сейчас собралась команда единомышленников, и, если Вы увидите список наших мероприятий, Вы поймете, на чем делается акцент.

- На конференции Свято-Филаретовского института о. Хейкки Хуттунен с гордостью говорил, что СИНДЕСМОС приобретает все большее влияние на руководство поместных церквей. С другой стороны, он с горечью отмечал и то, что в результате такого «структурирования» некоторый пророческий пафос пропадает. Видите ли Вы эту проблему?

- Да, я думаю, что мы слишком захотели расти, приобрести некоторую видимость. Лично я не уверен, что это на благо СИНДЕСМОСу, потому что с приобретением некоторого веса СИНДЕСМОС сильнее

подвергается давлению церковной политики. И если мы отмечаем тот факт, что гораздо больше плодов было в то время, когда СИНДЕСМОС представлял ничтожное по количеству движение, то ясно, что плод нашей работы определяется качеством работы и качеством тех людей, которые участвуют в ней. Если в наших съездах участвуют люди, которые в своей церкви активно работают и которые имеют что сказать, то очень ограниченным количеством работы мы принесим что-то полезное всей Церкви. Все равно всю православную молодежь охватить никак нельзя, мы всегда будем затрагивать от силы полпроцента. Реально в наших мероприятиях принимает участие около трехсот человек в год. Это ничто. Но если эти люди будут «закваской», то наша работа принесет пользу Церкви. Если же нет, то она никому не нужна.

Амстердам, 9 октября 2002 г.

НА ЗАПАДЕ СТАЛО МЕНЬШЕ РОМАНТИКИ

Интервью со свящ. Георгием Кочетковым о православии в Западной Европе

- Изменилась ли, на Ваш взгляд, миссионерская ситуация для православия на Западе со времен оо. Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа?

- На Западе стало меньше романтики по отношению к православию. II Ватиканский собор очень романтизировал православие. Когда я читал документы II Ватиканского собора о Восточных церквях, я удивлялся, как все хорошо написано, но как это далеко от жизни. Написано было так, будто мы написали о том, каким должно быть православие, но в документах-то имелось в виду, что православие таким и является. Сейчас, на мой взгляд, другая крайность, православие стали немножко «демонизировать», особенно в Америке, но не только в ней. У многих западноевропейцев сейчас ужас перед православием, они боятся его, как чумы, как нашествия с Востока, мистического, непонятного и в то же время какого-то хаотического и, может быть, даже демонического. Вот в этом - огромная

разница. Сейчас «исконные» западноевропейцы редко становятся православными, а если и становятся, то чаще всего это или старые интеллектуалы, старые профессора, иногда совсем древние, или же, наоборот, беспутная молодежь. И многие сейчас считают, что в православие приходят лишь те, кому больше деваться некуда - не от большого ума и не от нормальной жизни.

- В чем состоят основные проблемы православия на Западе, может быть, какие-то недостатки?

- Во-первых, раскол, юрисдикционная раздробленность, противопоставленность одной группы другой, недостаточность кафоличности. Во вторых, православие не будет иметь здесь перспектив, если не будет решен языковой вопрос и вопрос общинный. Мы видели с вами очень хорошие примеры решения этих проблем - у о. Сергия Овсянникова и у о. Игнатия Пекштадта. К сожалению, есть и другие, прямо противоположные примеры.

- Каковы достоинства православия на

Западе? Чему мы могли бы здесь научиться?

- Общего ответа здесь быть не может. Вот такой человек, как о. Игнатий - он драгоценен, как любой человек, который искал Истину и нашел Православие. Потому что такой человек целостен, у него нет комплекса неопита, но у него есть тот самый горящий дух, который не оскудевает даже в восемьдесят лет. Он сорок лет работал адвокатом, он прожил непростую жизнь... Так вот, здесь больше таких горящих людей, потому что для них быть православным - это что-то очень неординарное. Вчера мне о. Доменик рассказывал, как он объясняет детям в школе, почему они должны каждое воскресенье ходить в храм, когда их одноклассники и их родители в церковь не ходят. Он говорит им: «Вы ходите, потому что вы - православные. Все православные каждое воскресенье бывают в храме, причащаются, молятся, постятся, ведут благочестивую жизнь, читают Писание». Я боюсь, что многим из нас никогда бы в голову не пришло так ответить своим детям.

- Не могли бы Вы рассказать об особенностях православия на Западе, или, скажем так, в Западной Европе?

- Если говорить о мировом православии, то мы находимся как бы на его переднем крае. Мы не живем в стране, где каждый — православный. В нашем городе, Генте, где живет 350 тысяч человек, большинство — неверующие, много католиков по рождению, почти не участвующих в жизни католической церкви, и только тысяча православных.

- Это совсем не так уж мало!

- Все-таки мало в сравнении с триста пятьюдесятью тысячами. Мы, православные на Западе, должны нести свет, свидетельствующий о Христианстве, потому что в наше время одна из самых главных проблем — необходимость единства христиан во всем мире перед лицом неверия. Сейчас на Западе существует сильнейшая тенденция к нарциссизму. Мы же учим вере, учим духовности. Я состою членом национальной

Священники Доменик Вербек, Игнатий Пекштадт, Георгий Кочетков

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ЕДИНСТВОМ

Интервью с прот. Игнатием Пекштадтом (перевод с английского)

группы христианских церквей Бельгии, расположенной в Брюсселе. Мы только собираемся вместе. У нас нет совместных богослужений. Но христиане собираются вместе против властей, которые говорят об эвтаназии, об абортгах, и вместе говорят «нет». Православие на Западе играет особую роль, несет особую миссию — отразить особый опыт христианства и опыт встречи.

- Не могли бы Вы рассказать о Западноевропейском братстве, одним из основателей которого Вы являетесь?

- Вряд ли меня можно так называть, я всего лишь был в первой группе, которая начала собираться тридцать лет назад для того, чтобы налаживать контакты между различными православными церквями, представленными в Западной Европе. После этих первых встреч мы создали большой конгресс. Это было во Франции, в Анси, в 1971 г. С тех пор конгресс собирается каждые три года. Еще до этого у нас в Бельгии также было создано православное братство, и в 1972 состоялся местный конгресс в Брюгге, в котором участвовало около 150 человек. На нем произнес речь Оливье Клеман, а президентом этого первого конгресса был я.

- В этих конгрессах участвуют только представители клира?

- Конечно, нет! Православные братства не для клириков. Они прежде всего для мирян.

Никогда они не были только для клира. Я не клирик, скорее антиклирик.

- Не могли бы Вы рассказать о жизни братства в наши дни?

- За эти годы прошло десять конгрессов в разных странах Европы, некоторые во Франции, некоторые в Бельгии. Кроме этих встреч, которые собираются каждые три года, проходят и местные конгрессы, не только всеевропейские. Речи, произнесенные на конгрессах, собираются и хранятся. Информационная православная служба SOP — также один из плодов деятельности братства. Результатом всего этого стало множество контактов между разными церквями.

- Как проходят конгрессы?

- Сначала на пленарном заседании три основных докладчика произносят три главные речи. Потом участники делятся на десять или пятнадцать маленьких рабочих групп для обсуждения этих выступлений. Одно из главных событий конгресса — общая служба, в которой участвуют епископы и священники различных церквей, пять хоров, которые стоят в разных местах храма. Кто-то из членов братства координирует службу, которая ведется на многих языках, необычайно торжественно и празднично. Во время конгресса проходит выставка книг, продажа икон.

- Какова главная тема одиннадцатого конгресса братства?

- Единство Православной церкви. Это одна из основных проблем современной Православной церкви в Западной Европе. Каждая из церквей привязана, будто длинной и тонкой ниточкой, к своему патриархату — Константинопольскому, Греческому, Московскому, Румынскому... Это ненормально. В Западной Европе православие представлено очень заметно: в Германии 800 тысяч православных, в Англии — 600 тысяч, во Франции — 250 тысяч, в Бельгии — 70 тысяч, в Голландии — 25 тысяч. И мы, наиболее традиционная церковь, еще не нашли решения, как их объединить. Мне кажется, православные епископы каждой западноевропейской страны должны бы объединиться в местный синод. Пусть при этом каждый хранит свою традицию, пусть они не влияют друг на друга, но, собираясь несколько раз в году на один местный синод, решают вопросы настоящего и будущего православия в своих странах. Сейчас создается впечатление более разделения, чем единства. Нужно больше единства, которое могло бы быть свидетельством для внешних. Чтобы на вопрос: «кто вы — русский православный, греческий православный или румынский православный?» каждый из нас мог ответить просто: я — православный.

В подвале одного из храмов в пригороде Афин Пирее молодежь, вдохновившись посещением римских катакомб, построила свои катакомбы из пенопластовых плит, разрисовала их копиями катакомбных росписей и с удовольствием ходит туда на службы, поскольку настоятель сразу же благословил поставить там престол. В общем, мы увидели настоящее «православие с человеческим лицом». Конечно, нам говорили, что мы видели лучшее, что в Греции, как и положено, все есть, — и неверующие священники, и формальные службы, и полумертвые приходы. Мы и сами разглядели, что их лучшие приходы — это только приходы, но никак не общины. Что богослужение на древнегреческом, который отличается от новогреческого значительно меньше, чем церковнославянский от русского, плохо понятно людям, и очень многие хотели бы перевода (которому препятствуют не столько «ревнители благочестия», сколько все та же конституция). Что даже прекрасные братства, вроде братства «Сотир» («Спаситель»), настоящего монастыря в миру, активно работающего в самых разных просветительско-благотворительных областях, очень закрыты и немного свысока посматривают на обмирщенный народ и духовенство. Что выпускники богословского факультета не востребованы, и по 10, а то и больше лет ждут места школьного учителя закона Божия, но никуда не рвутся и подрабатывают, например, официантами. И все же, все же, все же... Вот, в заключение, маленький штрих. Мы ездили на прокатном автобусе, ездили много, постоянно спешили и из-за этого (простите, братья и сестры!) довольно часто нарушали правила. Нас остановили и оштрафовали только в одном месте, где, естественно, не мог пройти безнаказанно ни один иностранец — в Фермопилах («читающий да разумеет...»). Но речь даже не об этом. Однажды Дмитрий, спеша подогнать автобус к гостинице, где мы его ждали, заехал на пешеходную улицу, поперек которой стояли столики кафе. Понимая, что ситуация в прямом смысле безвыходная (ехать назад, значит — очень сильно опоздать), он вышел из кабины и растерянно развел руками. Сидевшие за столиками встали и... убрали их в сторону, добродушно, с улыбками помахав руками — все понятно, проезжай! Вам не кажется, что это тоже влияние православия?

А. КОПИРОВСКИЙ

БОГОСЛОВИЕ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Интервью со свящ. Домеником Вербеком (перевод с английского)

- Можете ли Вы рассказать о своей работе с православной молодежью?

- Я стараюсь преподавать катехизис молодым людям здесь, в Бельгии. Это довольно трудно, потому что я служу на приходе, работаю, участвую в различных встречах, и редко вижу их. Но мы делаем многое, чтобы молодые люди могли изучать богословие на своем родном языке, на том языке, на котором они смогут преподавать в школах. У нас тридцать пять учителей, преподающих трем сотням детей — армян, грузин, фламандцев, русских, греков — и я часто говорю им, что они должны научиться говорить на языке церкви. Недостаточно только ходить на литургию, нужно понимать, что на ней происходит, надо уметь говорить об этом, опираясь на опыт свв. отцов.

- Как я знаю, Вы переводите на голландский курсы Свято-Сергиевского института. Не могли бы Вы рассказать об этом немного?

- Двенадцать лет назад правительство Бельгии разрешило нам преподавать в школах. Но если Вы преподаете в школе, вы должны преподавать на том языке, на котором

в этой школе учат. Я сказал епископу, что я должен сделать что-то, чтобы учить будущих учителей. И он сказал мне: поезжай в Свято-Сергиевский институт (в то время я как раз там учился), попроси их курсы и переводы. И я начал переводить — Князева, Флоровского, Зеньковского, Андронникова, Шмемана, Клемана, Лосского. Сейчас эта работа почти закончена.

- Сколько студентов в Бельгии изучают православие?

- Сейчас у нас два отделения: с французским языком и с голландским языком. Всего шестьдесят студентов.

- В России активно обсуждается вопрос о введении в школе уроков Закона Божьего или «Основ православия». У Вас уже долгий опыт такой работы в школах. Что Вы могли бы посоветовать, какие проблемы Вы видите?

- Есть большая разница между вашей и нашей странами. У нас наряду с православием есть протестантизм, ислам, иудаизм, католичество, гуманистическая философия — и все это может преподаваться в школах в соответствии с выбором учащихся. В

государственных школах, конечно, а не в конфессиональных, которых у нас около тридцати процентов. Наиболее серьезная проблема — взаимоотношения с правительством, которое, будучи нехристианским, скорее «гуманистическим», оказывает большое давление на нас, чтобы вытеснить нас из школ. На прошлой неделе министр культуры предложил нам подумать над введением нового предмета — «Основ культуры», который будет предназначен для тех, кому при возможности выбора между изучением протестантизма, ислама, иудаизма, католичества, православия, гуманистической философии ни один из этих вариантов не окажется близок.

- Все это проблемы, так сказать, внешние. А внутренние проблемы, на Ваш взгляд, есть?

- Да, прежде всего вопрос квалификации преподавателей. Сейчас, через двенадцать лет, у нас нет достаточно квалифицированных преподавателей, и немногие хотят нести это служение. Вся надежда сейчас на тех детей, которых мы учили в течение этих лет.

1-3 НОЯБРЯ

В Г. СЕН-ЛОРАН-СЮР-СЕВР (ВАНДЕЯ, ФРАНЦИЯ) ПРОШЕЛ XI КОНГРЕСС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА.

Темой, обозначенной в документах конгресса, стали слова Символа веры: «Верую в единую Церковь». В ходе пленарного заседания были затронуты различные аспекты проблемы: богословский (доклад еп. Сергиевского Василия (Осборна) (Оксфорд) «Единство Церкви и троическое единство»), практический (доклад прот. Игнатия Пекштадта (Гент) «Жизнь во Христе в миру») и экклезиологический (доклад Михаила Соллогуба (Париж) «Православные христиане Европы на пути к Поместной церкви»). На встрече обсуждались также такие разнообразные вопросы, как катехизменат семейный и приходской, свидетельство православия в средствах массовой информации, православие в Европе и права человека, православие в странах ислама, ответственность человека перед творением, укорененность и традиция.

Вспоминается лето 1990 года. Первая служба после 60-летнего перерыва в Исаакиевском соборе. Предстоит вновь избранный патриарх Московский и всея Руси Алексей, на клиросе гости, тоже вновь избранные, - председатель ВС РФ Борис Ельцин и председатель Петросвета Анатолий Собчак, за «ящиком» - одна-единственная книга - «Святые Древней Руси» Г.П.Федотова, с предисловием о. Александра Меня. И общее ощущение, которое буквально носится в воздухе, - вот сейчас начнется... Не началось. Остается уверенность, что это нельзя бросать.

Мой прадед был священником. Он служил в Туле, был арестован и погиб в городской тюрьме во время войны. Может быть, поэтому мне всегда казалось таким важным помнить тех, кто молился до нас в наших храмах, на нашей земле, чувствовать ответственность за то, делаем ли мы порученное именно нам, нашему времени. Мне кажется, за те двенадцать лет, что прошли с момента, когда все «стало можно», мы сделали ничтожно мало. И это - причина для покаяния не только перед Богом, но и перед теми, кто и века назад, и в страшный XX век оставался «святою Русью».

Нет, положительно неспроста-таки появилось это выражение - «Святая Русь». И, хотя крутые повороты чреватые для изнуренной страны окончательным провалом, иногда кажется, что очередной крутой вираж неминуем из-за вновь обострившегося, малопонятного современной европейской ментальности слишком знакомого и слишком болезненного ощущения: «Нет правды на земле». Привычно следующее из него руководство к действию: «Пора опять все (или почти все) переименовать». А коли так - до опаски ли здесь, когда объявляется новый поход за правду, неуспех которого означает едва ли не конец света.

Максимализм русского мировосприятия отмечен многократно и с разных сторон. Российской истории вообще чужда постепенная созидательность, она больше напоминает чересполосицу прорывов и затяжной дремоты.

А поскольку сегодня всякому ясно, что Россия входит в полосу тумана, за которым признаки будущего едва угадываются, то отнюдь не праздной выглядит затея просмотреть ретроспективу ее вулканических вспышек, практически всегда заставлявших ее саму же врасплох.

Может показаться, что ракурс для такого просмотра выбран не самый подходящий - при чем, дескать, здесь Русь Святая? Кажется, что действительно ни при чем, но вот только попытаешься что-то понять, и Она, с ее взысканием правды, вдруг незримо приблизится, самым присутствием своим привлекая к себе пристальные взоры.

К тому же и не всякий сполох становился заревом пожара, и само сочетание слов «Святая Русь» понадобилось для того, чтобы назвать ту удивительную реальность, что состоялась как ответ на суровейший вызов своего

СВЯТАЯ РУСЬ - РАЗОБЛАЧЕННЫЙ МИФ?

Николай КОНСТАНТИНОВ

времени. В дни тягостного ига, вызвавшего к жизни не самые светлые свойства власть предержащих, на Руси подвизаются преподобный Сергий Радонежский и многие его ученики и современники, которые любовью и самоотречением побеждают «ненавистную рознь мира сего». Победа на Куликовом поле прямо связывалась в сознании русских с благословением войска Дмитрия Донского, которое князь получил у «игумена земли Русской». Решительный шаг в освобождении от ига предстает как победа святости над злом, праведности над несправедливостью.

Только злу не свойственно примиряться с унижением. Дьявол - «обезьяна Бога», и он будет продолжать выработать новые способы мимикрии под добро до скончания века. Русь устояла и возродилась святостью своих подвижников; что ж, и это может стать предметом соблазна. Помнится, в Евангелии бесы называют Христа «Святой Божий», чем демонстрируют готовность сделать из Спасителя фигуру культового поклонения, идола, имея целью добиться, чтобы они были оставлены в покое, поскольку это позволит сохранить в неприкосновенности самое главное - меру и сферу их влияния. Зло легко осваивает внешние атрибуты праведности - в конечном-то итоге это только усиливает его власть. Святость, если превратить ее из образа жизни в пышный титул, может незаметно, но верно превратиться в свою противоположность.

Как незаметно? Ну, возьмем хотя бы такой ряд: Русь держится своими святыми, Русь превозмогла иго и святость была ее незримым оружием, святостью освобождена Русь, святостью она возрождается, святостью собирается... вокруг Москвы, Святая Русь снова сильная держава... так исподволь святость становится атрибутом не земли, давшей миру великих подвижников, а государства. Причем поворот в массовом сознании происходит не так чтобы и медленно. Но что еще более знаменательно, куда быстрее появляется соответствующая идеология. Падение Византии оказалось, конечно, лишь удобным поводом для провозглашения Москвы Третьим Римом, но ведь важнее было, чтобы сформировалось соответствующее умонастроение, а повод всегда найдется. Государство, согласно быстро завладевшему массами воззрению, становится твердыней истинной веры. Поразительно, но при этом не замечается, что оба Рима пали от аналогичной самонадеянности. История, не прощающая подобной слепоты, сурово распорядилась и с Римом третьим, хочется добавить, слишком сурово.

Достижения отдельных выдающихся личностей вообще на удивление легко и быстро присваиваются массами. Русь сделали святой подвижники, но почему-то едва ли не всякий житель этой страны почувствовал себя сначала причастным высокому, а потом и чуточку святым. Что

же до государя, то разве не очевидно, что держатель Святой земли никак не может быть сам чужд святости? Тут-то хаос «дум народных» и разродился, вероятно, новым мифом, который постепенно начинает выталкивать на обочину реальную Святую Русь.

Г.П. Федотов, видный религиозный мыслитель XX века, специально изучавший феномен русской святости, отмечает знаменательную закономерность: чем больше христианство на Руси идеологизируется, тем явственнее меняется исторический облик и образ жизни русских подвижников. Отшельники уже не удерживаются вблизи городов и уходят в глушь, а праведник, остающийся в мирской среде, становится юродивым - иначе правды не сказать и не показать - она всё менее востребована.

Самодержец тем временем становится Грозным и, утверждая свое исключительное право распоряжаться судьбой Третьего Рима, не останавливается перед попранием даже элементарных нравственных норм. Народ безмолвствует, на правду надеясь, но не находя сил ее взыскивать. В результате - смута, затем какое-то отрезвление, и новое испытание - на этот раз раскол. Святая Церковь, наученная горьким опытом предыдущего столетия, когда св. митрополит Филипп поплатился жизнью за саму попытку урезонить буйного царя Ивана, решила стать вровень с государством, вернуть по крайней мере то, что по общему мнению ей и принадлежит - область нравов. К тому же, во время оно, изрядное их падение становилось все более очевидным. Отсюда и подобающая реакция - возникновение «кружков ревнителей благочестия». Церковь решает таким образом взять на себя исправление жизни, но почему-то действовать начинает вполне государственными методами: все править по единому образцу.

Надо сказать, что народное сознание к тому времени уже прочно переориентировалось на поиск внешних, наглядных моделей сакрального поведения - трафаретов духовной жизни, и вопрос, казалось, был только в том, какой взять за основу. Одни, ревнуя о воскрешении Святой Руси, ратуют за утверждение подлинных, т.е. древних, освященных временем, шаблонов. Другие, стремясь повысить статус Церкви перед лицом государства, пытаются обрести прочный фундамент в виде греческих первоисточников. Словом, первые ищут образцы посвятнее, вторые - посолоннее. При этом суть дела - сама жизнь, устроенная по образу проникновенной и жертвенной любви Спасителя, - из виду теряется, что, к сожалению, не удивительно, так как любовь, как и свобода, и творчество, ее неотъемлемые спутники, - шаблонов не терпит. Итак, на первый план вышло противостояние оболочек, грозящее вылиться во вражду, хотя слишком ясно, что ни сама по себе древность чинов и обрядов, ни греческое происхождение не

делают их истинными, как и их блюстителей - святыми. Устремление к святости превращается в отстаивание собственной самости. А тут прав будет тот, кто сильнее. В данном случае сильнее тот, у кого власть.

Правда, никто, наверное, не ожидал, что она может проявить себя столь жестоко. По стране запыхали «спасительные» костры, причем огненная казнь применялась не за инакомыслие даже, или, как принято думать, за соблюдение старых обрядов. «Мы вас жжем», - говаривал патриарх Иоаким, преемник Никона, - не за то, что посвоему креститесь, а за то, что Святую Церковь не признаете. А креститесь - как хотите». Святость, вооруженная огнем и мечом, - новый знак эпохи. Для многих это означало, что правда скрылась, может быть, навсегда. И «Святой Церкви» поделом - править стала сила, не отягощенная идеей, а только желанием вполне земного величия.

Петру I оказалась не нужна инстанция, освящающая государство. Логика существования последнего это вполне допускала. В самом деле, если Святая Русь - это святая держава, сила, собирающая земли, буквально «державшая» ее, и тем уже святая, то все остальные формы священного превращаются только в сакральные знаки государственности. И действительно, настоящие подвижники скрылись из поля зрения народа и власти, а та церковь, что осталась на виду, довольно скоро превратилась в эмблему Третьего Рима. Ко времени правления Алексея Михайловича, отца Петра I, церковь земная попыталась было вернуть себе сколько-нибудь реальное влияние на жизнь страны, сие, однако, многими чертами напоминало конкурентную борьбу - достаточно вспомнить настойчивое стремление патриархов XVII века, в особенности Никона, именоваться «великими государями».

Результат оказался прямо противоположен поставленным церковными целям, поскольку попытка уравнивания в правах с государством только убедила самодержцев в том, что церковь - лишь сакральный довесок к государственной власти, и ей достаточно будет статуса «ведомства православного вероисповедания». И то правда, зачем людям в рясах заниматься не своим делом. Хотят приносить пользу - пусть служат государству на стезе надзора за нравами. Да и доносить не мешало бы, если где какая измена. «Духовный регламент» - новый свод правил для священнослужителей - предусматривал и это. Руси же довольно будет для ее святости, чтобы ей управлял православный царь, который не менее успешно прирастет к Московии как исконные, так и новые земли, превращая патриархальное царство в великую империю.

Многим людям такая перемена декораций показалась тогда лишь подтверждением нараставших со времен

Великого раскола ожиданий конца света. Настолько разрушительными для привычного уклада жизни выглядели петровские нововведения, наложившиеся на недавние изуверские гонения на приверженцев старого обряда, что у очень многих совсем опустили руки - «не стало правды совсем». Только на этот раз Русь отозвалась не новой плеядой святых угодников, а массовым исходом из жизни - коллективными самоожжениями, а еще - первыми крупными крестьянскими бунтами, ознаменовавшими начало новой формы сосуществования двух все более поляризующихся сил: власти и народа.

Народ, то есть крепостное крестьянство, был материальной основой Российской империи, скорее даже основным материальным ресурсом, сырьевым придатком государства. Логика существования последнего предполагала разрастание и самосохранение. Народ принимает участие в жизни страны лишь физически, его интересы могут совпасть с интересами власти только разве в отечественную войну, обычное же течение жизни характеризуется их органическим противостоянием: власть может существовать только за счет народных масс, при этом ее организующая функция требуется им в минимальной степени. С другой стороны, то, что элита осознает как успех, например, усиление военного влияния России в Европе и на Кавказе, практически никак не сказывается на положении народа. Иначе говоря, приобретения государства нисколько не есть приобретения народа, и наоборот. Поэтому, например, пресловутый порядок воспринимается, в первую очередь, как система мер, охраняющая интересы лиц, принадлежащих кругам власти. Для вящего удобства они еще и выстроены по ранжиру - табели о рангах. Совсем не случайно империя в середине XIX века уподобляется большой казарме.

Однако люди - об этом отлично знали еще римские патриции - ресурс не беспредельный, и в какой-то момент государству пришлось пересматривать свои взаимоотношения с собственной материальной базой. И надо отметить, оно оказалось способно на серьезные инициативы. Одно только выпало из поля

внимания: длительное скрытое противостояние народа и власти, имевшее главным своим предметом основное средство существования для обоих - землю, было отягощено отчетливым ощущением глубокой неправды, навязанной бесправному люду. Восстановить правду означало теперь отдать землю, и, подчеркнем, только это. Пораженный в правах народ стихийно повторил вслед за предельно отчужденным от него государством акт самоосвящения, иначе говоря, он стал сознать себя святым уже в силу своего положения.

Этот обновленный миф был принят и той незначительной частью общества, которая, будучи плотью от плоти государства, чувствовала себя в нем неприкаянным. Вначале это потомки «обиженных родов» - декабристы, затем так называемые разночинцы и отдельные маргиналы, не считавшие для себя возможным или неспособные вступить в государственные структуры, «насквозь пронизанные неправдой». То была новая форма взыскания правды и новое поколение поборников справедливости. Она теперь представлялась в двух близкородственных формах: отмщение несправедливому государству и освобождение праведного своими муками народа. Достаточно последнему осуществиться, и дальше чрезвычайно легко будет устроить счастливую жизнь - Вера Павловна это видела в своем знаменитом четвертом сне. Халтурин, Перовская и Желябов в буквальном смысле заместили в интеллигентском сознании святых мучеников, а Писарев и Чернышевский приобрели авторитет, сравнимый разве только со свято-отеческим. Никого из почитателей почему-то уже не смущало, что Николай Гаврилович считал возможным для освобождения «всего человечества» пожертвовать жизнями нескольких миллионов. Впрочем, лжесвятой в отличие от настоящего эфемерен, это продукт сознания на злобу дня, поэтому он легко заменим.

Большевики - наследники идеологов священного возмездия. Им удалось невероятное - «раздавить гадину», несправедливое государство, каковым его считало, между прочим, явное

большинство подданных. Не забудем, что 4/5 мест на выборах в Учредительное собрание получили партии-экспроприаторы - эсеры, меньшевики и большевики.

И вот тут-то неумолимо и во всем своем первозданном безобразии явила себя лжесправедность. Принцип остается прежним - правда объявляется чуть ли не природным свойством, святость - естественным народным состоянием. Вся энергия «подвига» направлена на истребление естественных же носителей неправды. Реки крови должны были, смыв всяческую нечисть, вынести новый ковчег к берегам, где все счастливы, и надо же, так оно и случилось.

Правда, зачем-то понадобилась маленькая поправка, стоившая жизни и многим пламенным разрушителям старого. Оказалось, что святой народ не самодостаточен и может по-настоящему счастливо жить на руинах зла только тогда, когда вполне сознает, что радость жизни черпается из святого источника - рабоче-крестьянского государства. Оно - новый и незыблемый гарант навеки восторжествовавшей правды. Круг замкнулся - огненные народ и партия (сиречь государство нового типа) едины в своем совершенстве. А для удобства поклонения и излияния неизмеримой и неизбывной благодарности счастливый народ обрел и персональное выражение этого гаранта - великого вождя и учителя, отца всех народов. Слава огненной ему и верноподданному народу, слава во веки. «Слава мне», - кричали купавшимся в океане радости гражданам транспаранты, плакаты, крыши и фасады зданий, а в дни особых торжеств еще и громкоговорители.

И надо же, в одночасье сорвалось. Правда и ложь уживаются только в тоталитарных мифах. Что же остается нам, нередко ощущающим себя на пепелище истории? Ответ кажется на удивление простым и ясным, но наше время при всей его дискомфортности хорошо тем, что легко освобождает мысль от искусственных напластований.

Станным образом российская ментальность связала благополучие и умиротворенность страны с такой категорией как правда, правильность. Это не похвала и не разоблачение, а только

констатация. Не исключено, что такая парадоксальная зависимость обязана своим существованием своеобразной судьбе России, когда на естественное становление цивилизационных начал не оказалось исторического времени. Может быть, именно русскому народу, слепыми обстоятельствами обреченному долго и мучительно утверждать свое право на достойную жизнь, требовалось особенное усилие различать в исторической суматохе жизненный верховный ориентир - правду. Может быть, в этом коренится и знаменитый русский максимализм, порождающий как действительно потрясающие образцы жизни, но так и риск катастрофического срыва.

В связи с этим хочется вспомнить и необычно большое число для Европы энтузиастов правды - около 800 святых. В наши дни память об этом великом сонме может сделаться источником спасительного вдохновения, светлой надежды на то, что правда может быть обретена даже тогда, когда по всем видимым признакам этого произойти уже не может. Дело только в твердом желании выстроить собственную жизнь по этой самой правде. Примеры такого разубаивания уз лжи, ненависти и розни можно найти в любом периоде истории России, в том числе и в веке ушедшем. Один наш старший современник, умерший в 1978 г. архимандрит Таврион (Батозский), которому пришлось 28 лет провести в тюрьмах, ссылках и лагерях, говорил о себе: «Во мне выгорело все, кроме любви». Жизнь ведь не обстоятельства, а скорее деятельное утверждение истины в разных обстоятельствах.

Существует, впрочем, и другой сценарий, поскольку никуда не исчез темный двойник правды. Грандиозное число канонизированных святых легко сделать предметом спекуляции. И тогда, отрянувшись от пепла и исторической пыли, снова кряхтя поднимается рассыпавшийся было колосс на глиняных ногах - псевдоидеальное государство в разных своих ипостасях: допетровская Русь, Российская империя, сталинский Советский Союз. Такое разыграние непотченной старины, мифа о якобы органичной для Руси святости пахнет только новыми тяготами, а то и кровью.

Художник Сергей АНДРИЯКА

ЛЮДИ НАЧИНАЮТ ДЕЛАТЬ ЖИЗНЕННЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ТОГО, ЧТО ОНИ СЛЫШАТ

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПЕЧАТАТЬ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДУХОВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В НАРОДЕ БОЖЬЕМ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ». НАПОМИНАЕМ, ЧТО ОНА – ДВЕНАДЦАТАЯ ИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ОСЕННИХ КОНФЕРЕНЦИЙ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА. В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ЕЕ ТЕМА ЯВЛЯЕТСЯ ИТОГОВОЙ ДЛЯ БОЛЬШОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Еп. СЕРАФИМ (СИГРИСТ)
(Американская православная церковь)

- Какие события этой конференции показались Вам наиболее интересными?

- Конечно, все доклады были замечательными, прежде всего доклады о. Георгия Кочеткова и С.С.Аверинцева. Но, возможно, важнее всего для меня само собрание здесь вместе в одном духе, как одной духовной семьи, многих людей, объединенных в размышлениях над очень разнообразной и, на мой взгляд, центральной темой движений в Народе Божьем. Мне кажется, что совместное размышление может

п р и н е с т и обновление сил всем общинам, всем движениям в Народе Б о жьем. С о б и р а н и е вместе - это самая важная вещь.

- А в целом - каково Ваше впечатление? Есть ли разница между этой конференцией и предыдущими?

- Каждый год имеет свой особый дар. Для человека творческого, например, писателя, лучшая книга - та, которую он пишет сейчас, так же как для художника та картина, которую он пишет сейчас - самая прекрасная. Когда мы присутствуем на этих конференциях, каждая из них кажется самой лучшей, но при этом все они очень важны. Публикация материалов предыдущих конференций очень важна, потому что для людей, пришедших после, именно что-то в этих записях может оказаться главным. С другой стороны, эта конференция и ее тема кажутся мне особенно центральными для нас, и в каком-то смысле она наиболее важная из всех. Но мы все молимся и о том, чтобы это имело продолжение, потому что я не знаю других ежегодных конференций в православном и, может быть, во всем христианском мире, которые были бы настолько значимыми, творческими и такими открытыми к собиранию даров Народа Божьего.

- Согласны ли Вы с мыслью о. Георгия, что эта конференция - в некотором роде итог всех предыдущих?

- Несомненно. Я полностью согласен с тем, что именно предыдущие конференции сделали возможным само обсуждение этой темы.

Свящ. Георгий КОЧЕТКОВ,
ректор Свято-Филаретовского института

- Каково Ваше главное впечатление от этой конференции?

- Главное впечатление - радость от того, что дух этих конференций распространился на людей очень разных, людей, которые не могут быть подведены под один знаменатель.

Мне кажется также очень важным, что во всем происходившем было очень много личностного, больше, пожалуй, чем на конференциях о личности. Эта конференция носит какой-то экзистенциальный духовный

смысл, быть может, превышающий конкретные слова, конкретные выражения, потому что разница в уровне докладов достаточно значительная (все-таки очень большая, я бы сузил, честно говоря). Я считаю, что в следующем году нужно будет просить у всех докладчиков тезисы, потому что некоторые даже очень именитые люди представляли экспромты, пусть хорошие, замечательные, - но экспромт есть экспромт. Но те, кто готовился, рождали просто шедевры, и я сам с нетерпением жду публикаций, потому что все услышать и понять с ходу, все вместить не представляется возможным. Даже сегодня два таких разных по стилю, по интенциям доклада - О.И.Генисаретского и о. Владимира Зелинского - по духу очень сходятся. Оба плодотворны, и в каждом из них можно найти, за что зацепиться, чтобы идти дальше. Конечно, я очень рад, что выступал и владыка Серафим, и Сергей Сергеевич Аверинцев, который, по-моему, стал удивительно хорошо говорить. Он всегда хорошо говорил, но еще лучше писал, а вот сейчас то, что он говорит, хочется слушать, слушать и слушать. Хорошо, что была дискуссия. Вчера, скажем, на богословской секции была дискуссия о нашей реальной церковной ситуации, связанная с докладами о. Александра Шрамко и о. Павла Адельгейма, причем не голословная, не эмоциональная, а очень выверенная. Это тоже важно - то, что собираются опытные люди.

Еще я с радостью обратил внимание на то, что многие наши сотрудники, к которым мы привыкли относиться немножко фамильярно, все оказались «на уровне» и в качестве ведущих, и в качестве докладчиков. Теперь не только узкая горстка сотрудников - инициаторов нашего института, но уже достаточно широкий круг людей может представлять и мысль, и дух, царящие на конференции.

- Почувствовали ли Вы как докладчик и как ведущий, что усилилась реакция зала? Я от многих слышала, что удивительно понятны были доклады.

- Реакция действительно была, и я очень этому рад. Она была и на предыдущих конференциях, но то, что она сейчас неизменно активная, и что люди начинают делать жизненные выводы из того, что они слышат - это заметно, и это очень важно.

Ну, а теперь будем готовиться к тому, что сегодня уже было косвенно объявлено: вера есть диалог, потому что она - общение. Пусть это будет девизом и первым шагом в подготовке к следующей конференции, посвященной как раз диалогу в Церкви и в

обществе.

Н.А. СТРУВЕ
(Париж, Франция):

Я, к сожалению, приехал только вчера вечером, и поэтому мне очень трудно что-то сказать о самой конференции. Однако, так как я в четвертый раз участвую в этих конференциях, я не сомневаюсь, что она, как и предыдущие, не только принесет плоды, но явится с о б ы т и е м, возможностью вдохновиться, возможностью пообщаться. Участвуя в этих конференциях, я нахожу что-то, что испытывал на Западе на съездах движения (РСХД) и продолжаю на некоторых из них еще испытывать. Я бы сказал, что это одна из существенных форм церковной жизни.

- Вы представляете одно из двух крупнейших православных движений XX века. Не могли бы Вы сказать, в какой стадии сейчас находится осмысление собственно проблемы движения, экклезиологического аспекта этого вопроса в РСХД? Чего Вы ждете от этой конференции, может быть какого-нибудь слова, размышления?

- Движение не должно размышлять о себе, если оно еще действует. Оно должно продолжать делание. То явление, каким было РСХД в 30-е, 50-е годы, сейчас не может уже возобновиться, но им посеяны очень различные семена, одни из которых всходят, другие нет. То же самое и вот такие конференции. Образно говоря, это сеяние. Сеются семена, и не нам знать, взойдут ли они, и какие взойдут. Это даже не наша забота. Нужно сеять независимо от почвы. Сеяние происходит от делания. Только бы дело было в правильную сторону, а уже последствия его не от нас зависят.

- Тем не менее, на конференциях Вашего движения, особенно, когда в них участвовал о. Александр Шмеман, ставились вопросы даже о том, какой именно этап наступает в жизни движения, каковы на этом этапе его задачи. Это так?

- Всякая организация, а движение все-таки было организацией, переживает разные моменты - взлета, падения, кризисов. И, конечно, если оно хочет преодолеть какие-то кризисы, а кризисы бывают неизбежны, то оно начинает и размышлять, и ставить вопросы. Наше движение на Западе в каком-то смысле обречено просто по своему

социологическому происхождению и составу. Оно самое древнее, основано в 1923 году, ему за 80 лет. Удивительно, что оно как-то существует, но все-таки существует, в том числе и в семенах, им посеянных.

- Какими Вы видите перспективы движений? И - в связи с тем, о чем Вы сейчас говорили - наверное, Вы связываете эти перспективы с Россией?

- С одной стороны - да, естественно, с Россией, с другой стороны - не обязательно с ней. Никогда не известно, где, что может возникнуть, эти вещи возникают непроизвольно. Никогда не известно, какие семена что принесут. Очень часто ко мне обращаются с вопросом: «Как начать движение?» Очень трудно ответить на этот вопрос. Оно рождается изнутри. Рецептов нет. Это не организуется. Сейчас во всем мире существует кризис молодежных движений. Они уже не играют той роли, которую играли в XX веке. Так что, может быть, будут какие-то новые явления в XXI веке. Это нельзя исключить и очень трудно предвидеть. В своем докладе я как раз хочу подчеркнуть элемент неожиданности того нового, что возникает в церкви.

А.ОГОРОДНИКОВ, гл. редактор газеты «Община. XXI век»

- На каких заседаниях Вы были?

- Прежде всего, я должен сказать, что я впервые на вашей конференции. Я был на первом пленарном заседании и на заседании богословско-культурологической секции. Уровень обсуждения, уровень тем очень высокий. Побывав на конференции, я начал сознавать силу, разнообразие и мощь вашего братства. Здесь, неожиданно для меня, были известные люди, кто-то из которых ныне забыт, задвинут на второй план. Было очень приятно видеть такую галерею очень хороших, достойных людей. Я встретил здесь тех, кого не видел десять лет.

- Вы один из немногих людей, занимавшихся общинным строительством и даже пострадавших за это. Как Вам кажется, каковы ныне перспективы общинного движения? Иногда кажется, что многие надежды, связывавшиеся с отменой антицерковных законов, не оправдались.

- Наш опыт общины был очень ярким, очень интересным. К

сожалению, многие за это пострадали, тринадцать человек село в тюрьмы. Современный же церковный человек и с п ы т а е т, видимо, то же, что и я - полное

одиночество. Он ходит на литургию, не зная тех, кто стоит справа и слева от него. Он, может быть, и хотел бы разрушить это одиночество, но фактически не может найти общину, членом которой он мог бы стать. Не случайно наша газета называется «Община». Стремление к жизни в общине, к соборности - это главная интенция современной церковной жизни. К сожалению, в нашей церкви соборности все меньше и меньше, и ваш опыт показывает, что за такую попытку нужно платить довольно сурово. В этом смысле ваш опыт уникален. Я рад, что вы выдержали. Когда начинаются гонения, слабые обычно бегут, но вы, как я вижу, устояли, возникла целая инфраструктура, в том числе - институт. Мне очень приятно это видеть, и я рад за вас. Мы будем пытаться в нашей газете хоть как-то ознакомить читателей с вашим опытом.

Интервью брали

А.ПОКРОВСКАЯ и А.БУРОВ

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Корректура:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная

Фото:
Анатолий Мозгов

Дизайн:
Андрей Мареев
Верстка:
Татьяна Зельникова

Тел./факс:
(095) 923-03-80

e-mail:
kifa@list.ru

Тираж 999 экз.